

"Надо, чтобы всем на земле было хорошо, не правда ли?.."

Среди одесских периодических изданий, появившихся осенью 1919 года, есть два забытых названия: "Бешеная тетка" (ред. И.А. Сухий, Д.И. Шперлинг, изд. Р.И. Оргеевский и Л.А. Бельц) и "Возрождение" (ред. Я. Чухненко, изд. Николаев и др.).

Вышли они тогда, когда французские войска, а затем большевиков сменила в городе Добровольческая армия Деникина. Естественно, на их страницы попали материалы авторов, не сумевших принять власть красных. Увы, журналы "Бешеная тетка" и "Возрождение" нельзя отнести к удачным начинаниям, как, скажем, журнал "Огонек" Бориса Флита (он тоже после первого номера не имел продолжения) или ежедневную литературно-театральную газету "Театр", выходившие в Одессе в тот же период.

Это произошло из-за того, что создателям не удалось найти свой стиль, своего художника (иллюстрации вторичны, уже виденные на страницах других изданий). Наверно, желательно было бы с большим вкусом выбирать шутки и поэтические строки. Явно ощущается отсутствие самостоятельных профессиональных издательских и редакторских решений, и это относит рассматриваемые журналы к разряду второстепенных однодневок. Общее впечатление несколько спасают публикации фельетона Арк. Аверченко "Размышление о совнаркоме и о собаке", очерка М. Горького "Праздник", неплохого рассказа Н. Карпова "Золото".

При всем при этом, конечно, журналы "Бешеная тетка" и "Возрождение" входят в летопись одесской периодики и несут на себе печать своего сложного и противоречивого времени.

Татьяна ЦУРОВА

Размышленіе о совхаркомѣ и о собакахъ

Аркадія Аверченко.

Съ большимъ огорченіемъ прочель о новомъ планѣ совѣтскаго правительства.

Я очень люблю большевиковъ, считаю ихъ умными, честными талантливыми и полезными для Россіи.

Подумайте только — сколько они добра принесли Россіи! какъ все хорошо устроили.

Вся Россія любитъ и благославляетъ большевиковъ.

Очень, очень милые.

И, потому, я съ огромнымъ огорченіемъ и печалью прочель странныя сообщенія московскихъ газетъ объ ихъ предполагаемомъ отъѣздѣ.

Недоумѣваю: какъ можетъ населеніе Москвы и Петрограда отпустить отъ себя эту роскошную власть... Да я бы зубами въ нихъ вцѣпился.

На засѣданіи совнаркома заявлено будто бы, что если добровольцы оккупируютъ Москву и Петроградъ — совнаркомъ переберется на Волгу в Нижній, а если добровольцы возьмутъ и Волгу, то совнаркомъ переберется на Уралъ въ Екатеринбургъ.

То-то тамъ радость будетъ! Москва и Петроградъ одѣнутся въ трауръ, а въ Екатеринбургъ — радостный перезвонъ колоколовъ...

Да, ничего не подѣлаешь. Такъ ужъ устроено; что радость для однихъ, то горе другимъ.

Я объ одномъ только съ ужасомъ думаю: если добровольцы доберутся и до Екатеринбурга — куда дѣнутся большевики? Терять любимое — горше всего.

* * *

Не знаю почему, вспомнилась мнѣ одна забавная исторійка, которую я прочель будучи еще ребенкомъ.

Два пріятели стояли на берегу и съ любопытствомъ слѣдили за собакой, которая имѣла недвумысленное намѣреніе выкупаться въ рѣкѣ.

Съ чего это она? спросилъ одинъ пріятель другого.

— Жарко очень. Да и главное блохи одолѣли.

Собака же, очевидно, принадлежала къ партіи "постепенцевъ".

Сначала вошла въ мелкую воду, замочивъ только кончики лапъ.

Затѣмъ продвинулась немножко поглубже.

Вода доходила ей уже по брюхо.

Сдѣлала еще три шага. Вода покрыла спину, только голова и шея торчала изъ воды.

Еще шагъ — одна макушка, носъ, да умный черный глазъ виднѣлся изъ воды.

Р-разъ. Собака цѣликомъ скрылась подъ водой, нырнула и выскочила на берегъ — добрая освѣжавшая будто на свѣтъ Божій родилась.

— Почему она такъ странно вела себя? — спросилъ одинъ пріятель другого.

— То есть?

— Почему она не сразу прыгнула въ воду, а входила постепенно?

— А-а, братъ! ты и представить себѣ не можешь, какая это умная собака.

Настоящій нѣмецкій песъ.

Видишь-ли если бы она бросилась въ воду сразу, то всѣ блохи, которыя прятались въ ея длинной, густой шерсти такъ и остались бы на ней.

А ежели постепенно, то совсѣмъ другая музыка.

Она окунула лапы въ воду — и блохи перепрыгнули съ лапъ на брюхо, окунула брюхо — блохи перебрались на спину; а когда и спина оказалась неблагополучной по водѣ онѣ перебрались еще выше. Кончилось тѣмъ, что всѣ блохи столпились на кончикѣ ея носа — а здѣсь уже полевое дѣло избавиться, часть языкомъ смахнула, часть течениемъ унесло.

И долго еще оба пріятели, стоя на берегу, дивились разуму хитрой собаки.

Аркадій Аверченко.

Печатается только потому, что Аркаша настойчиво просилъ. Редакція

КНИЖНАЯ ПОЛКА.

Л. П. Гроссманъ. Плеяда, Цикль сонетовъ

Маленькая, изящно изданная книжечка, содержащая пару десятковъ сонетовъ о поэтахъ и мыслителяхъ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Въ этомъ трудѣ Леонида Гроссмана нѣтъ той надуманности и неискренности, которая

такъ и сквозить въ его "Вторникъ у Каролины Павловой".

Стихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ исключительной глубины и силы.

Есть превосходные строчки, оригинальные образы.

Праздникъ.

(Очеркъ)

Скоро полночь.

Въ синемъ небѣ надъ маленькой церковью Капри низко плывутъ облака, вспыхиваетъ и гаснетъ Сириусъ, а изъ дверей церкви летятъ важно пѣніе органа, и бѣгутъ облаковъ, трепеть звѣздъ. движеніе тѣней по стѣнамъ зданій к камню площади — тоже какъ тихая музыка.

Подъ ея торжественный ритмъ вся площадь, странно похожая на оперную декорацию, колеблется, становясь то тѣсной, то просторной и прозрачно свѣтлой.

Надъ Монте Соляро раскинулось великолѣпное созвѣздіе Оріона, вершина горы пышно увѣнчана бѣлымъ облакомъ, а обрывъ ея, отвѣсный, какъ стѣна, изрѣзанный трещинами — точно чье-то темное древнее лицо, измученное великими думами о мірѣ и людяхъ.

Тамъ, на высотѣ шестисотъ метровъ, накрытъ облакомъ заброшенный маленькій монастырь и при немъ — кладбище, тоже маленькое; могилы на немъ подобны цвѣточнымъ грядкамъ; ихъ немного, и въ нихъ подъ цвѣтами всѣ монахи этого монастыря. Иногда его сѣрыя стѣны выглядываютъ изъ облака, точно прислушиваясь къ тому что творится внизу.

По площади шумно бѣгаютъ дѣти. разбрасывая шутихи; по камнямъ съ трескомъ разсыпаются красныя искры, прыгаютъ ог-

ненные змѣи; иногда смѣлая рука бросаетъ зажженую шутиху высоко вверхъ, она шипитъ, мечется въ воздухъ, какъ испуганная летучая мышь, ловкія темныя фигурки бѣгутъ во всѣ стороны со смѣхомъ и крикомъ — раздается гулкой взрывъ, на секунду освѣщая десятки ребятишекъ, прижавшихся въ углахъ, — десятки бойкихъ глазъ весело вспыхиваютъ во тьмѣ.

Взрывы раздаются почти непрерывно, заглушая хохотъ, возгласы испуга и четкій стукъ деревянныхъ башмаковъ по гулкой лавѣ; вздрагиваютъ тѣни, взмывая вверхъ, на облакахъ красныя отраженія, а старыя тѣни домовъ точно улыбаются.

Но чуть только выдѣлится минута тишины — снова слышенъ молитвенный гулъ органа, а снизу ему отвѣчаетъ море глухими ударами волнъ о прибрежные камни и шелковымъ шорохомъ гальки.

Заливъ — точно чаша, полная темнымъ, пѣннымъ пивомъ, а по краямъ ея сверкаетъ живая нить самоцвѣтныхъ камней, это огни городовъ — золотое ожерелье залива.

Надъ Неаполемъ — опаловое зарево, оно колыхается, точно сѣверное сияніе, десятки ракетъ и фугасовъ врываються въ него разноцвѣтными букетами яркихъ огней и, на мигъ остановясь въ трепетномъ облакѣ свѣта, гаснутъ — доносится тяжкій гулъ. По всему полукругу залива идетъ неустанно

красивая бесѣда огня: холодно горитъ бѣднѣй маякъ неаполитанскаго порта и сверкаетъ красное око Капо ди Мизена, а огни на Прочидѣ и у подножія Искіи — какъ ряды крупныхъ брилліантовъ, нашитыхъ на мягкій бархатъ тьмы.

По заливу ходятъ стада бѣлыхъ волнь, сквозь ихъ пѣвучій плескъ издали доносятся смягченные вздохи взрывовъ ракетъ, все еще гудитъ органъ, и смѣются дѣти; но вотъ — неожиданно и торжественно колоколъ башенныхъ часовъ бьетъ четыре и двѣнадцать разъ.

Кончилась месса, изъ дверей церкви на широкія ступени лѣстницы пестрой лавою течетъ толпа, навстрѣчу ей, взвиваясь, прыгаютъ красные змѣи, пугливо вскрикиваютъ женщины, радостно хохочутъ мальчишки — это ихъ праздникъ, и никто не смѣетъ запретить имъ играть красивымъ огнемъ.

Немного испугать солиднаго, празднично одѣтаго взрослога человѣка, заставить его, деспота, попрыгать по площади отъ шутихи, которая гонится за нимъ, шипя и обрызгивая искрами сапоги его — это такое высокое удовольствіе! И его испытываешь только одинъ разъ въ годъ.

Въ сторонѣ храма все живѣе звенитъ дѣтскій смѣхъ — лучшая музыка земли, а небо надъ островомъ уже блѣднѣетъ, близится разсвѣтъ, звѣзды уходятъ всё выше въ глубокую глубину небесъ.

Въ темной зелени садовъ острова разгораются золотые шары апельсинъ, желтые лимоны смотрятъ изъ сумрака, точно глаза огромныхъ совъ. Вершины апельсиновыхъ деревьевъ освѣщены молодыми побѣгами зеленой листвы, тускло сереб-

рятся оливы, дрожатъ сѣти голыхъ лозъ винограда.

Красно улыбаются навстрѣчу зарѣ яркіе цвѣты гвоздики, герани и малиновыя метелки шалфея, густой запахъ нарциса плыветъ въ воздухъ утра, смѣшиваясь съ соленымъ дыханіемъ моря.

Плескъ волнь — звучнѣе, онѣ стали прозрачны и пѣна ихъ бѣлѣетъ точно снѣгъ.

Самое лучшее въ мірѣ — смотрѣть, какъ зарождается новый день.

Вотъ въ небѣ надъ горою вспыхнулъ первый лучъ; ночная тьма тихонько прячется въ ущелья горъ и трещины камней, въ серебристой листвѣ оливы, въ широкихъ чашахъ пиній, ложится на землю въ траву и незамѣтно таетъ, а вершины горъ улыбаются ласковой улыбкой — точно мягкимъ тѣнямъ ночи:

— Не бойтесь, — это солнце!

Волны залива, высоко поднимая бѣлыя гривы, кланяются солнцу, какъ придворныя красавицы въ сказкахъ своему королю, кланяются и поютъ:

— Привѣтствуемъ васъ, владыка міра!

Доброе солнце смѣется, — эти волны всю ночь, играя, кружились, онѣ такія растрепанныя, ихъ зеленыя бархатныя одежды измяты, а бѣлые шлейфы порваны и спутаны.

— Добрый день! — говоритъ солнце, поднимаясь надъ заливомъ. — Добрый день красавицы! Но, — довольно, тише! Дѣтямъ невозможно будетъ играть на берегу, если вы не перестанете такъ высоко прыгать. Надо, чтобы всѣмъ на землѣ было хорошо, не правда ли?

М. Горькій.

ИЗА КРЕМЕРЪ.

Одесская знаменитость. О ней можно сказать по одесски одним словом: "Эта такая известная итальянская пѣвица, которая на русской сценѣ на еврейскомъ языкѣ поетъ французскія пѣсенки Монмарта".

Рѣшила уѣхать, но покаместъ спекулируетъ своимъ талантомъ: утромъ поетъ за "чашкой чая", днемъ на благотворительномъ спектаклѣ, вечеромъ въ Стамеровскомъ театрѣ, а трудовой день заканчивается въ "Домѣ кружка артистовъ".

— Все коплю для приданнаго дочурки Идочки, заявляетъ артистка.

Собакъ просять не вводить.

Современное.

(Изъ Одесскихъ картинокъ)

Почтенный литераторъ Бурыгинъ, краса и гордость русской публицистики, сидѣлъ у Робина въ обществѣ не менѣе почтенныхъ художниковъ, беллетристовъ и актеровъ.

Попивая жиденькій кофе, онъ говорилъ, устремляя вдохновенный взглядъ въ невѣдомую даль:

— Вы поймите: отринутые отъ центра, пришпиленные, сторбленные подъ бременемъ невыносимой ноши, которую взвалила на наши плечи жестокая Мойра, мы въ безсиліи опустили руки... Крылья надломлены... Но, господа, мы воспаримъ, взорлимъ надъ бездной ужасовъ и черной, безпросвѣтной мучительной ночи...

Надо, господа, надо воспарить... Надо, надо и тысячу разъ надо...

Надъ челомъ Бурыгина, казалось, горѣла дымка глубокой грусти.

Его руки дрожали, когда онъ, потрясая въ воздухъ ложечкой, призывалъ къ дѣятельности, къ работѣ, къ энергіи...

Въ это время къ столику подбѣжалъ Флейшеръ, и, наклонившись къ Бурыгину, сталъ кричать:

— Когда, наконецъ, вы отвѣтите мнѣ: или вы хотите соль или вы соли не хотите?

Бурыгинъ въ мигъ просіялъ. Дымка грусти отлетѣла и онъ оживился...

— Обязательно... обязательно... Но я

хочу соль "Одесса-Портъ"... Скажи Флейшеръ, а какъ относительно муки? Есть?

— Есть... А что же!.. Идемте до Фанкони, тамъ я васъ познакомлю съ Трахтенбергомъ и онъ вамъ сообщитъ цѣны-фесто... Бѣжимте...

Почтенный литераторъ извинился, вскочилъ и убѣжалъ...

Тогда заговорилъ извѣстный актеръ Груздень Сильзанскій.

— И надо замѣтить, что эта общерусская катастрофичность, это метаніе надъ бездной сугубо отразилась на жизнь театра.

Поймите, господа, что корень прогнилъ, что весь старый репертуаръ изжилъ себя окончательно, что нужны новыя достиженія, новыя откровенья и пути...

А гдѣ, скажите, найти эти пути? Молодежь нравственно отупѣла, забита, загнана въ уголь...

Кто-то тихо тронулъ Гроздева за рукавъ...

Такъ трогаешь нѣжный зефиръ, такъ ласкаешь мотылекъ...

Сейчасъ этимъ зефиромъ, этимъ мотылькомъ былъ маклеръ Гойхманъ.

— Николай Ивановичъ, давайте сюда ваше золото... Я имѣю покупателя, такъ это уже одинъ разъ покупатель.

Груздень-Сильчанскій вскочилъ.

— Какого же черта вы до сихъ молчали? Гдѣ онъ, вашъ покупатель? Давайте его сюда, чертъ поberi...

— Онъ здѣсь на углу... мы зайдемъ въ подворотню, и дѣло сдѣлано... Чтoby я такъ счастье имѣлъ!..

— Простите, я сейчасъ... робко проговорилъ уважаемый представитель драматиче-

скаго искусства и плотоядно бросился за Гойхманомъ.

Они уходили...

Ушелъ Бурыгинъ, ушелъ Груздень-Сильванскій, ушелъ поэтъ-академикъ Чухонинъ и вскорѣ за опустѣвшимъ столикомъ остался одинъ Владиміръ Оксдифельдъ, изысканнѣйшій художникъ-модернистъ и тонкій эстетъ-мыслитель...

Онъ понуро сидѣлъ за стаканомъ анемичнаго чая, грызя остатокъ сдобнаго, и въ его возвышенной чуткой душѣ вдохновенно росъ и ширился своеобразный, гениальный, еще невѣдомый міру валютный планъ.

Борисъ Бобовичъ.

„О средахъ“

(поэтическій кружокъ).

Отъ какого слова происходитъ посредственность?

— Отъ "Среда".

— Надоѣли, признаюсь вамъ, эти среды!

— Значитъ васъ "среда" заѣла.

"Чижииковъ, Чижииковъ, гдѣ ты былъ?"

— "Я на "Средахъ" говорилъ".

Ев. З.

Золото.

Рассказ Н. А. Карпова.

Рыжий первый замѣтилъ въ ночной темнотѣ свѣтлую точку костра, схватилъ за рукавъ товарища и потянулъ его въ поросшую рѣдкими колючими кустами ложбину.

— Казаки, аль прискатели... — прошепталъ онъ, снова опускаясь на влажный мохъ рядомъ съ Кубаремъ и вздрагивая отъ ночного холода: — для нихъ, чертей, что блоху убить, что человѣка — все единственно... — Кубарь молчалъ; продолжительная голодовка, усталость и холодъ убили въ немъ остатки энергіи и выработали тупое равнодушіе ко всему, что не было связано съ представленіемъ о пищѣ. Въ пути онъ тихо брелъ за товарищемъ, машинально повторяя всѣ его движенія, и оживлялся только тогда, когда Рыжему удавалось стащить кусокъ хлѣба или нѣсколько горстей муки изъ амбаровъ рѣдкихъ степныхъ поселковъ. Уже цѣлыя сутки брели они безъ пищи и жевали горькую древесную кору, стараясь обмануть требовавшій пищу желудокъ. Рыжий, старый и опытный бродяга, днемъ еще сохранялъ бодрость духа, пытаясь веселыми шутками и насмѣшками ободрить Кубаря, но съ наступленіемъ ночи и онъ

приунылъ. Замѣченный имъ свѣтъ костра сначала испугалъ его не на шутку, но теперь, лежа въ сырой ложбинѣ, онъ размышлялъ о людяхъ, сидѣвшихъ у костра; вѣроятно они пьютъ тамъ горячій чай, весело болтаютъ и ѣдятъ жареное мясо... Съ каждой минутой эти люди казались Рыжему все менѣе и менѣе опасными. Навѣрное, это старатели, или охотники-промышленники, которымъ нѣтъ дѣла до оборванныхъ, голодныхъ бродягъ.

Они прогонять ихъ отъ своей стоянки — это самое худшее, что они могутъ сдѣлать.

— Кубарь! тихо позвать онъ.

— Ну! — уныло отозвался тотъ.

— Пойдемъ, посмотримъ, что это за люди... Можетъ, дадутъ намъ кусокъ хлѣба, а? А то, братъ, плохо наше дѣло, все равно — капутъ! Ослабли мы очень... Ежели бы ружье какое ни на есть у насъ было — птицу можно было бы подстрѣлить, аль звѣря. А то все равно съ голодухи подохнемъ... — продолжалъ Рыжий и, оживившись при новой мысли, добавилъ: — а, можетъ, братецъ ты мой, они спятъ? Понимаешь? Подполземъ, да пощупаемъ ихъ, можетъ и винтовку до-

станемъ, а тогда — гуляй, да жри, сколько хочешь.

— Убьютъ... — протянул Кубарь.

— А съ голоду-то лучше помереть? Эхъ ты, голова садовая! А, можетъ пофаргитъ намъ? Идемъ!

Рыжій рѣшительно всталъ, вынулъ изъ кармана зипуна широкой мясницкій ножъ, попробовалъ его лезвее большимъ пальцемъ правой руки и поползъ изъ ложбины. Кубарю не хотѣлось вставать и пускаться въ рискованное предпріятіе, но онъ не протестовалъ, зная рѣшительный характеръ своего товарища, и молча послѣдовалъ за нимъ, наткаясь на кусты и скользя по влажнымъ кочкамъ. Ночная темнота обманула бродягъ: сначала свѣтлая точка костра казалась такой близкой, но около часу пришлось имъ ползти, пока они смогли разсмотрѣть фигуру одиноко сидѣвшаго у костра человѣка.

— Одинъ!... — прошепталъ Рыжій; — вѣрно нашъ братъ Исакій. Однако, не спать, чортъ его разорви...

Бродяги долго лежали на землѣ, не сводя глазъ съ человѣка, сидѣвшаго у костра, и ждали, но тотъ не перемѣнялъ позы и, казалось, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заснуть. Наконецъ, Рыжій не выдержалъ, онъ съ рѣшимостью отчаянія вскочилъ, и, стараясь покашливаньемъ и шарканьемъ ногъ издали обнаружить свое присутствіе, двинулся къ костру.

Чернобородый человѣкъ въ кожаной курткѣ и оленьей шапкѣ вскочилъ, взялъ винтовку на изготовку и хриплымъ отъ испуга голосомъ вскричалъ:

— Эй, стой! Стрѣлять буду. Что за люди, эй?

— Божьи... — угрюмо отвѣтилъ Рыжій, останавливаясь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него: — дозволю, добрый человѣкъ, обогрѣться, смерзлы совсѣмъ...

Чернобородый раздумывалъ, не выпустивъ изъ рукъ винтовки и всматриваясь ястребинымъ взглядомъ въ измученныя лица бродягъ.

— Мало вамъ мѣста въ степи... — сурово заговорилъ онъ. — Грѣйтесь. да убирайтесь по-добру, по-здорову... А то у меня разговоръ коротокъ!

Онъ хлопнулъ ладонью по стволу винтовки и сѣлъ на кожаную сумку, положивъ ружье на колѣни. Бродяги со смиреннымъ видомъ подошли къ костру к присѣли на корточки, протянувъ къ огню оковенѣвшія руки.

Зоркіе глаза Рыжаго успѣли замѣтить туго-набитую кожаную сумку, на которой сидѣлъ чернобородый, жестяной чайникъ и оловянную кружку, стоявшую у огня.

— Благодать... — заговорилъ онъ, чувствуя пріятную теплоту, разливавшуюся по жиламъ:

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ... Вотъ, коли бы была твоя милость, еще хотъ

кусочек хлѣба... А то два дня крошки во рту не было, ослабли совсѣмъ, прямо вѣтромъ шатаеть...

Чернобородый сердито взглянул на него, порылся въ сумкѣ и бросилъ ему на колѣни горсть сухарей и кусокъ вяленой рыбы. Рыжій жадно схватилъ сухарь и съ хрустѣньемъ сталъ грызть его, не выпуская изъ рукъ рыбы. Кубарь робко взялъ съ его колѣнь нѣсколько сухарей и весь ушелъ въ процессъ ѣды, двигая челюстями, какъ лошадь, жующая овесъ. Рыжій съѣлъ, убралъ съ колѣнь крошки, проглотилъ ихъ и растянулся у костра, чувствуя, что силы возвращаются къ нему и члены его снова становятся гибкими. Чернобородый молча слѣдилъ за бродягами, и лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе: повидимому, онъ раскаивался, что подпустилъ ихъ къ костру и не встрѣтилъ выстрѣлами.

Замѣтивъ, какъ бродяги переглянулись между собой, онъ сказалъ:

— Ну, согрѣлись, поѣли — пора и честь знать. Идите-ка подальше, гости дорогие, а то какъ бы худо не вышло...

— Дозволь хоть часокъ погрѣться, добрый человекъ!.. — жалобно заговорилъ Рыжій, вставая и ощущывая его взглядомъ: — скоро, чай, свѣтать будетъ, тогда мы и уйдемъ. Часокъ хоть еще погрѣмся...

Въ его напряженной позѣ и во взглядѣ, которымъ онъ обмѣнялся съ товарищемъ, чернобородый почуялъ угрозу.

— Добромъ говорить — уходи! — бѣшено вскричалъ онъ, вскакивая на ноги: — убирайтесь — и весь сказъ!..

Онъ угрожающе двинулся впередъ, но поскользнулся и выронилъ винтовку. Рыжій, какъ кошка, бросился на него и сбиль его съ ногъ, навалившись на него всѣмъ тѣломъ. Кубарь вскочилъ, подобралъ винтовку и подбѣжалъ къ нимъ, стараясь помочь товарищу, но борющіеся сплелись въ одинъ живой клубокъ, и онъ не могъ выстрѣлить, боясь поранить Рыжаго. Наконецъ, онъ уловилъ моментъ и изо всей силы стукнулъ прикладомъ по головѣ очутившагося наверху чернобородого. Тотъ взвизгнулъ отъ боли и выпустилъ Рыжаго, а Кубарь продолжалъ бить его прикладомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не застылъ безъ движенія.

— Готовъ... — пробормоталъ Рыжій, тяжело дыша и наклоняясь надъ трупомъ: — здоровый, чертъ... Я ужъ думалъ — крышка мнѣ. Ну, теперь, братъ, наше дѣло на мази!..

Онъ проворно обшарилъ карманы убиитаго, сбросилъ свой рваный зипунъ и надѣлъ его куртку и сапоги.

— Важный пинжакъ, — проговорилъ онъ, подходя къ костру: — рубаха и портки ничего не стоятъ, хуже нашихъ. А малахай ты себѣ возьми, добрый малахай.

Кубарь съ скрытой злобой взглянул на него; дѣлежъ казался ему въ высшей степени несправедливымъ, но онъ сдерживалъ гнѣвъ, боясь болѣе сильнаго товарища. Когда онъ вспомнилъ о сумкѣ, Рыжій уже подобралъ ее и рылся.

— Кирпичный чай, сахаръ, — перечислялъ онъ, осторожно складывая свертки на землю: — рубаха совсѣмъ новая... Патроны... Эге, что это такое?

Онъ вытащилъ изъ сумки тяжелый, какъ камень, кисеть изъ замши, завязанный тонкимъ ремешкомъ, торопливо развязалъ его, бросивъ сумку на землю, и, при свѣтѣ погасавшаго костра, на ладони его блеснули золотыя крупинки. Онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и бросилъ быстрый взглядъ на товарища.

Кубарь, вытянувъ шею, загорѣвшимися глазами смотрѣлъ на кисеть.

Первой мыслью Рыжаго было скрыть отъ него находку, но онъ скоро одумался, увидя, что Кубарь замѣтилъ кисеть.

— Ну, паря, пофартило намъ!.. — вскричалъ онъ, опускаясь на корточки передъ огнемъ и лихорадочно роясь дрожащими пальцами въ кисетѣ: — теперь, братъ, только бы до поселка добраться, а за деньги, что хочешь можно состряпать... Эхъ, заживемъ мы теперь.

— Покажи... — сказалъ Кубарь и протянулъ руку къ кисету.

— Да не бойся, хватить съ насъ!.. — раздраженно вскричалъ Рыжій: — чего смотрѣть? Хватить, тебѣ говорить, — и онъ опустилъ кисеть въ боковой карманъ куртки.

— Поди, принеси хворостку, чай вскипятимъ, — продолжалъ онъ, — давно я не баловался чайкомъ-то. Чай, ужъ и вкусъ его забылъ. А воды цѣлый чайникъ этотъ чалдонъ припасъ...

Кубарь злобно взглянулъ на него, но не посмѣлъ послушаться и тихо побрѣлъ къ кустамъ.

Рыжій поднялъ винтовку, осмотрѣлъ ее и, убѣдившись, что она заряжена, выбралъ изъ сумки пачку мѣдныхъ патроновъ и су-

нулъ въ карманъ. Онъ уже подумывалъ избавиться отъ товарища, но не рѣшался выстрѣлить; перспектива очутиться одному среди пустыни пугала его. Темная фигура Кубаря съ охапкой валежника выступила изъ кустовъ и направилась къ костру; моментъ былъ упущенъ. Кубарь бросилъ охапку въ костеръ, станъ золотыхъ искръ разлетѣлся въ разныя стороны и скоро пламя охватило хворостъ.

Чайникъ закипалъ, Бродяги сидѣли молча, искоса посматривая другъ на друга. Рыжій уже раскаивался, что не застрѣлил Кубаря, а тотъ въ душѣ проклиналъ товарища, украдкой ощупывая за пазухой ножъ, и еле сдерживалъ бѣшенство, кипѣвшее въ груди.

Ему страстно хотѣлось погрузить пальцы въ блестящяя золотыя крупинки, осязая ихъ, а разыгравшееся воображеніе рисовало ему заманчивыя картины счастья, доступнаго лишь обладателю мѣшка съ золотыми крупинками.

— Надо чаю засыпать, готовъ кипятить-то, — заговорилъ Рыжій и снялъ чайникъ съ огня.

Онъ наполнилъ оловянную кружку мутно-краснымъ чаемъ и протянулъ ее товарищу, словно желая предупредительностью загладить явную несправедливость дѣлежа. — Пей, — продолжалъ онъ, — пей, а то ты иззябъ.

Кубарь подвинулся къ нему на колѣняхъ, взялъ кружку, взглянулъ ему въ глаза круглыми отъ бѣшенства глазами и, почти не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, выплеснулъ кипятокъ прямо ему въ лицо. Рыжій завылъ отъ боли, за-

крыва глаза ладонями, а Кубарь бросился на него, не успев вытащить ножа... Рыжий оторвал руки от лица, обхватил левой рукой товарища, а правой вытащил нож и, не помня себя от боли и ярости, сунул его ему в спину. Кубарь завизжала, как подстреленный заяц, руки его ослабли и он упал на землю. Рыжий пошатнулся, застонал и свалился с ним рядом, корчась от боли, лицо его горело, словно его кололи иголками, глаза застилал синий тумань.

Долго лежал он, вздрагивая, тихо стонал и переворачивался с боку на бок. Когда алая полоска зари вспыхнула на востоке, Рыжий встал и расширенными глазами взглянул вокруг себя. В синем тумане, окутавшем его, он еле различал алое пятно костра и смутные очертания двух трупов.

Осторожно двигаясь, он нашёл ощупью чайник и промыл остывшим чаем глаза, смутно надеясь, что к нему вернется прежняя острота зрения, но синий туман становился гуще. Подвигаясь на коленях вперед, Рыжий нащупал сумку, подобрал винтовку и, натываясь на кусты, побрел

прочь от костра, чувствуя инстинктивную потребность двигаться, и долго шёл, пока не свалился от усталости на влажный мох.

Он лежал, покорившись неизбежному, и ждал смерти, потеряв надежду прозреть. Хрипкое карканье ворона снова зажгло в нём жажду жизни, он встал и побрел, опираясь на винтовку. Сумку он бросил, но голод заставил его вспомнить, что в ней осталось ещё несколько кусков сахара, которыми можно было бы обмануть властно требовавший пищи желудок, и он пытался вернуться и найти сумку. Около часу ползал он, ощупывая мох, и, наконец, отчаявшись, снова упал на землю.

Старый бродяга понял, что борьба бесполезна, что смерть менее страшна, чем ползанье наугад по сырому мху.

Он быстро снял с правой ноги сапог и портянку, встал, ощущая затвор винтовки, взвел курок, уперь приклад в землю и навалился грудью на дуло, вложив большой палец ноги в скобу на спуск.

Несколько секунд он стоял в этой неудобной позе, напрягая мускулы левой ноги и стараясь сохранить равновесие, и прислушивался к хриплому карканью воронов, потом, стиснув зубы, нажал на спуск и свалился на землю в предсмертных судорогах. Испуганный выстрелом ворон сорвался с верхушки маленькой сосны и закружился над кустами, суживая круги над трупом...

Н. А. Карпов.

Страницка юмора

ЭНЕРГИЧНАЯ БОРЬБА ВЪ СОВДЕШИ
СЪ "БУРЖУАЗНЫМИ ПРЕДРАЗСУДКАМИ"

АГИТПРОСВѢТИКЪ.

Одесскіе разговоры

- Бѣдняга этотъ Соломонъ Самойловичъ — одна кожа да кости!
— Хорошій бѣдняга. Вы навѣрно не знаете, какія теперь цѣны на кожу!

- Скажите, вы что-нибудь читаете?
— Нѣтъ, зачѣмъ же? я журналистъ — я пишу!

- Говорятъ "Огонекъ" прогораетъ.
— На то онъ и огонекъ, чтобы горѣть!

Остроумный отвѣтъ.

- Вы думаете, что вы образованная женщина? Скажите же мне, сколько пальцевъ на ногѣ у свиньи.
— Снимите сапоги и сосчитайте, — тотчасъ же отвѣтила она.